

Министерство образования Республики Беларусь
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
« ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

СМЕНА ПАРАДИГМ

В ИСТОРИОГРАФИИ

XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Сборник научных статей

(к 60-летию профессора А.Н. Нечухрина)

Гродно : ГрГУ, 2012.

ОБРАЗОВАНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Великое княжество Литовское, возникшее в XIII столетии, на протяжении нескольких столетий являлось одним из крупнейших государственных образований в Европе. Его история тесно связана с историческими судьбами таких государств как Беларусь, Литва, Россия, Польша и Германия. Не удивительно, что вопрос об образовании Великого княжества Литовского нашел отражение в работах историков этих стран. Фундаментальный обзор образования ВКЛ в историографии поместил в своей монографии, опубликованной в 1959 году, известный советский историк В.Т.Пашуто [21, с. 162 – 248]. Однако его анализ базируется на марксистской методологии, в основе которой лежит классовый подход, что позволяет отнести работу Пашуто к числу устаревших. После В.Т.Пашуто специальных исследований, касающихся образования Великого княжества Литовского, не проводилось. Созданное положение привело к тому, что в 2008 году в Казанском университете А.М.Столяровым была защищена диссертация на тему «История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX – начала XX века» [27]. В указанной диссертации проблеме государственного генезиса в исторических сочинениях отведена лишь небольшая глава, в которой в общих чертах рассмотрены взгляды отдельных российских историков, что

обусловлено предметом и хронологическими рамками данного диссертационного исследования. В связи с этим проведение историографического обзора генезиса ВКЛ продолжает сохранять актуальность.

Целью представленной статьи является рассмотрение взглядов дореволюционных российских историков на указанную проблему, выделение основных подходов к объяснению возникновения государственности у древних литовцев, а также оценка их вклада в решение поставленной исследовательской задачи.

Российская историография образования Великого княжества Литовского достаточно обширна и представлена многими, порой диаметрально противоположными, точками зрения. Уже Н.М.Карамзин считал, что это государство образовалось в результате разбойничьих захватов русских территорий древними литовцами, которые сами не способны были ни к чему, кроме занятия «земледелием и войной» [13, с. 494]. В результате было высказано два ключевых положения, которые до настоящего времени ещё можно встретить в исторической литературе. Во-первых, был выдвинут тезис о завоевании литовцами русских земель, на которых уже существовала государственность. Во-вторых, уровень развития литовских племён в социальной, экономической, культурной сферах, не говоря уже о политической, признавался более низким, чем у славян, проживавших в западнорусских княжествах.

Подобные мысли находим и в трудах других российских историков. Так, С.М.Соловьёв считал древних литовцев не более чем искусными разбойниками, грабившими русские княжества и создавшими государство усилиями Миндовга, который характеризовался как хитрый, жестокий и беспринципный человек [26, с. 203].

Впрочем, такие суждения не были оригинальными, поскольку были высказаны ещё А.Шлёцером, который считал литовцев до создания государства дикарями, которых следует изучать как зверей – не историкам, а натуралистам [29, с. 23]. Он же утверждал, что Великое княжество Литовское было создано князьями путём грабежа [29, с. 39 – 40]. Тот же А.Шлёцер впервые выдвинул положение, которое до настоящего времени продолжает оставаться популярным среди историков – о том, что государственность у литовских племён возникла из-за необходимости противостоять внешней опасности. Он пишет: «Так возникли Новгород и Киев из страха перед норманнами и хазарами; так, кажется, Польша возникла из страха перед франками; так и Литва из опасения перед Польшей и русскими [29, с. 28].

Против такой трактовки возникновения Великого княжества Литовского решительно выступил российский историк Н.Г.Устрялов. С одной стороны он соглашался с мнением предшественников о крайней отсталости древних литовцев, с другой – шёл ещё дальше, отказывая им вообще в возможности

создать свою государственность. Так, согласно его версии, «Литва..., обитая среди дремучих лесов в бедности, в грубом невежестве, до времён Гедимина с трудом отбивалась от русских князей, от ливонских рыцарей, всегда была народом малочисленным, слабым и тем менее могла взять перевес над соседями в гражданском устройстве, что до исхода XIV столетия она постоянно была погружена в язычество и не имела письменных законов» [28, с. 443 – 444].

Поэтому Н.Г.Устрялов относит образование Великого княжества Литовского не к XIII столетию, а к первой половине XIV века, и связывает его исключительно с деятельностью Гедимина, которому вследствие ума и политического таланта удалось объединить под своей властью русских при помощи русских же. При этом отмечается, что литовские князья по сути своей не являлись балтами, поскольку были рождены от русских княгинь, женаты на русских жёнах и исповедовали православие [28, с. 444]. Сам Гедимин, по версии Н.Г.Устрялова, «гордился именем русского князя» [28, с. 444].

Само Великое княжество Литовское объявлялось русским по характеру и являлось на определённом этапе силой, объединяющей русские земли наряду с Московским государством. Оно до определённого момента «было самостоятельно, имело своих князей из дома Гедиминова, сохраняло все черты русской народности и спорило с Москвою господствовать над всей Русью» [28, ч. 445 – 446]. Здесь «всё было русское: вера, язык, гражданские уставы, понятия, нравы, обычаи» [28, с. 444].

Собственно Н.Г.Устрялов является родоначальником теории двух центров собирания русских земель – Литвы и Москвы, широко распространённой до настоящего времени, а также автором тезиса о славянском характере Великого княжества Литовского, в котором балтский элемент признаётся второстепенным, незначительным и не оказывает никакого влияния на государственное развитие.

Позиция Н.Г.Устрялова была частично поддержана И.Д.Беляевым, который вообще утверждал, что в то время, когда литовцы преодолели доисторическую стадию развития и начали выступать в качестве субъекта истории, они уже являлись «более или менее русскими людьми» и существенных отличий от полочан не имели [4, с. 83]. Эта близость, сложившаяся благодаря длительному подчинению литовцев Полоцкой земле, имевших здесь многочисленные колонии, привела к появлению у них политических институтов, схожих на полоцкие – например, княжеской власти и аристократии. Разница заключалась лишь в том, что литовские князья были местного происхождения и богатые, зависимые только от знатных литовских родов, а полоцкие – пришлые и зависимые от местного, чуждого им в этническом плане населения. Именно поэтому после упадка Полоцка «русские города Полоцкого княжества охотно подчинялись литовским князьям» и

впоследствии были объединены в единое государство Гедимином [4, с. 76 – 80].

Так же и у известного представителя западнорусизма М.О.Кояловича находим, по меткому выражению В.Т.Пашуто, «маловразумительную концепцию» возникновения литовской государственности [21, с. 167]. Согласно его рассуждениям Великое княжество Литовское было создано в три этапа.

На первом этапе в результате появления княжений в Западной Руси (под которой М.О.Коялович подразумевал территории современной Беларуси, Литвы и Украины) проживавшие в пограничных областях литовские племена вынуждены были под натиском русских переселяться на север. При этом они воспринимали определённые черты русской культуры и знакомили с ней других балтов [15, с. 49].

Затем походы Батыя на русские княжества привели к их ослаблению, чем не преминули воспользоваться «верхне-литовские» князья, подчинившие себе Полоцкую и Новогрудскую земли – второй этап. Эти земли, в свою очередь, были «даже расположенными признать над собой литовскую власть, чтобы иметь в ней защиту от татар» [15, с. 92]. При этом жители Аукштайтии вскоре «пресоздались» в русских [15, с. 92].

На третьем этапе, теснимые Ливонским орденом жители Жемайтии пришли на земли Западной Руси и слились с местным западнорусским населением. Таким образом, благодаря усилиям жемайтских князей возникло Литовское государство [15, с. 97 – 100].

В результате получилось, что Великое княжество Литовское было образовано на основе западнорусской государственности литовскими князьями вследствие угрозы со стороны монголо-татар и крестоносцев в результате этнических переселений. При этом литовский этнос был «незаметно, легко и безопасно» ассимилирован славянами [15, с. 100].

Концепция добровольного подчинения славянских княжеств литовским князьям, соединившая в себе позицию Н.Г.Устрялова о двух центрах собирания русских земель с тезисом М.О.Кояловича об угрозе западнорусским землям со стороны монголо-татар нашла отражение в работе «Русская история» К.Н.Бестужева-Рюмина. Объясняя успешное включение в Великое княжество Литовское славянских территорий, он писал, что русские княжества были вынуждены принимать у себя литовских князей под натиском Золотой Орды. При этом Миндовг сравнивался с вождём франков Хлодвиг, который лишь при помощи хитрости и коварства захватил власть в Литве, а истинным создателем Великого княжества Литовского объявлялся Гедимин [5, с. 304 – 306].

Довольно необычную, можно сказать даже тавтологичную, версию возникновения Великого княжества Литовского находим в работе представителя официальной имперской историографии П.Н.Батюшкова. Он считал, что борьба с русскими княжествами вынудила объединяться литовские

роды и племена в союзы «для общего действия». В результате Миндовг создал государство, используя литовцев для подчинения русских территорий, а русских для подчинения других литовских князей [3, с. 46, 56].

Указанные работы в той или иной мере оказали влияние на мнение менее предвзятых в своих суждениях представителей российской дореволюционной историографии, создавших специальные исследования, посвященные истории Великого княжества Литовского. Так В.Б.Антонович точно также придерживался версии о том, что литовцы основали государство на нелитовской территории, которая была заселена «родственным» им и «гораздо более цивилизованным племенем» [1, с. 4]. При этом не появились в Прибалтике крестоносцы, которые «с каждым годом подвигались дальше вглубь Литовских земель, опустошали новые волости, насильно крестили жителей, наказывали их сопротивление и отпадение от христианства рабством; покорных же облагали тяжелыми налогами, лишали большей части земель в пользу немецких колонистов и подвергали железным тискам орденской организации» [1, с. 16], они вероятно образовали бы «теократическое государство, которое представляло бы союз более или менее крупных племен и округов, под верховною властью первосвященника» [1, с. 15].

Однако, проигрывая в «неравной борьбе» рыцарям Христа, разрозненные литовские племена осознали необходимость обретения «прочной государственной связи». Вследствие этого «два литовских народа» в поисках защиты от крестоносной агрессии попытались примкнуть к «государствам ближайших соседей»: латыши искали помощи у Полоцкого княжества, а пруссы – у славянских князей Польского поморья. И хотя и одни и другие, в конце концов, были покорены и завоёваны Тевтонским и Ливонским орденами, они дали время для того, чтобы занимавшие более выгодное географическое положение народы «собственно Литвы» и Жемайтии создали «более прочный государственный строй». Этот строй позволил литовцам более успешно вести борьбу против крестоносцев, черпая силы в «новых отношениях» с Русью, которые сложились в XIII столетии [1, с. 17]. Суть этих отношений, согласно видению В.Б.Антоновича, заключалась в том, что литовские племена, воспользовавшись раздробленностью и ослаблением, прежде всего, Полоцких земель, Смоленска, Гродненщины и Полесья, начали совершать на данные территории непрерывные грабительские набеги и завоевательные походы. В результате либо местные властители признавали власть литовских князей, либо литовские князья утверждались в отдельных славянских городах [1, с. 17 – 25].

Окончательно государство было создано в 1235 г. после вокняжения в Новогрудке Миндовга, который, опираясь на «литовское ополчение из своего Керновского удела», приобретал новые силы в Руси для покорения остальных

западнорусских земель и подчинения себе мелких литовских владетелей [1, с. 26].

Однако объединительные усилия Миндовга встретили сопротивление как со стороны славян, так и со стороны балтов, населявших новообразованное государство: славянские области желали выйти из подчинения Миндовга, в чём находили поддержку у посаженных здесь в качестве наместников литовских князей, а мелкие литовские, ятвяжские и племенные вожди не хотели утратить окончательно определённую политическую самостоятельность своих родовых владений [1, с. 25 – 27].

Внутренняя оппозиция Миндовгу находила также внешнюю поддержку со стороны магистров Ливонского ордена, галицко-волинских, а так же мазовецких князей, не желавших образования нового государства в землях, которыми они надеялись постепенно овладеть. Борьба на два фронта – против внутренних противников и внешних врагов – заканчивается гибелью Миндовга [1, с. 27]. Тем не менее, ему удалось «проложить путь» спасения самостоятельности литовского племени, а также создания государственного центра для разрозненных русских земель, по которому пошли «Гедимин и его последователи» [1, с. 27].

Подводя итоги взглядов В.Б.Антоновича на возникновение Великого княжества Литовского, можно отметить следующее:

- во-первых, историк считал, что основными предпосылками его образования являются выгодное географическое положение начальной территории, позволившее получить отсрочку от агрессивных действий со стороны соседних государств, и ослабление соседних славянских княжеств, позволивших осуществлять в их отношении со стороны Литвы успешную военную и политическую экспансию;

- во-вторых, основателем государства следует признать Миндовга, который черпал силы в Руси для успешного противостояния внешней агрессии, сохраняя, тем не менее, доминирование в княжестве литовского начала;

- в-третьих, особенностью образования Великого Княжества Литовского являлся его биэтнический характер, что представляло определённые трудности, поскольку препятствовало «быстрому сближению» литовцев и славян и их «дружелюбному и вполне солидарному отношению друг к другу». Эти трудности были преодолены при Витене и Гедимине. Их усилиями Великое княжество Литовское превратилось в полноценное государство и стало служить балто-славянским форпостом в противостоянии крестоносной агрессии [1, с. 27, 38].

В том же 1885 году была опубликована работа Н.П.Дашкевича «Заметки по истории Литовско-Русского государства» [9]. Историк признал ряд положений некоторых своих предшественников, например, о «русской сущности» Великого княжества Литовского и о заимствовании литовцами

«государственной идеи» вследствие длительного соседства славянских государств [9, с. 1, 15].

При этом, в позиции Н.П.Дашкевича наблюдается некоторая двойственность: с одной стороны, он соглашается с тем, что Великое княжество Литовское возникло в результате литовского завоевания, с другой – пишет о поддержке со стороны русского народа действий литовских князей по собиранию русских земель [9, с. 1, 93]. Данное противоречие он пытается преодолеть при помощи утверждения об уникальном положении этносов в новом государстве, в котором до Кревской унии отсутствовало не только национальное, политическое, религиозное доминирование одной народности над другой, но даже существовало классовое равенство. Данное обстоятельство определило успех литовских князей в быстром создании сильного и обширного государства [9, с. 92 – 93].

В то же время Н.П.Дашкевич, на что указал уже В.Т.Пашуто, впервые обратил внимание на умаление со стороны исследователей степени развития литовских племён в XIII веке [21, с. 177].

По мнению Н.П.Дашкевича, ко времени образования государства, у литовцев сложился особый «дружинный строй» и начал формироваться достаточный по численности «высший класс», а литовские племена объединились в подобие федерации, включавшую в себя собственно Литву и Жемайтию. В этих условиях для утверждения своей власти во всей Литовской земле Миндовг мог искать опору только за её пределами, то есть в славянских землях [9, с. 11, 16 – 17, 20; 21, с. 177 – 178].

С теорией завоевания категорически не согласились, солидаризируясь, таким образом, в данном вопросе с Н.Г.Устряловым, Ф.М.Леонтович, М.Ф.Владимирский-Буданов и М.В.Довнар-Запольский.

Ф.М.Леонтович в работе «Очерки истории литовско-русского права» сперва принял основные положения В.Б.Антоновича о консолидации Литвы под властью Миндовга вследствие борьбы с Ливонским орденом, чья «завоевательная деятельность... по своим результатам имеет такое же значение, как и монгольский погром в отношении к Руси» [16, с. 84]. Однако сразу же, вслед за М.Ф.Владимирским-Будановым [7, с. 2], поставил вопрос о том, явилось ли причиной образования Великого княжества Литовского завоевание русских земель литовцами.

Становясь в оппозицию к В.Б.Антоновичу, он писал: «Вопрос этот имеет существенное значение в истории не только литовского, но и вообще русского права. Раз будет доказано, что в XIII и XIV столетии Западная и южная Русь... была завоёвана Литвой и сделалась военною добычей литовских князей, распорядившихся страной по праву завоевания..., мы должны, по меткому замечанию профессора М.Ф.Владимирского-Буданова, вместе с тем «признать, что в эпоху литовскую история русского права попятилась назад к временам первобытным», или же признать, что так было везде в древней Руси [16, с. 85].

Поставленная проблема решается следующим образом. Сначала Ф.М.Леонтович вслед за В.Б.Антоновичем прослеживает процесс включения в Великое княжество русских земель, однако при этом старается показать, что все свидетельства источников не носят очевидного характера касательно их насильственного присоединения [16, с. 86 – 95]. Отсюда делается вывод, что «о «завоеваниях» может быть речь в начальную пору этого процесса, при первых литовских вождях, ... да в конце процесса – при Витовте, когда к литовским владениям присоединились, путём завоевания такие области, как южные дикие поля и пр.» [16, с. 95]. Что касается периода от «первых литовских вождей» до княжения Витовта, то в этом случае «прибегать к завоеваниям не было никакой надобности», поскольку «гнетущие бытовые условия», вызванные монголо-татарским разорением заставляли «русские земли и русских князей вступать в союз, а затем и добровольно подчиняться власти сильных и энергичных литовских вождей» [16, с. 95].

В свою же очередь литовские князья, «отдавая явное предпочтение русской гражданственности и русским людям, ... неуклонно следовали в объединении русских земель» политике «приязни с населением и «очищения» русских земель от ордынцев и ордынской зависимости» [16, с. 96].

М.В.Довнар-Запольский в первом томе своей монографии «Государственное хозяйство Великого княжества Литовского», увидевшей свет в 1901 году, сделал попытку определить характер взаимоотношений великих князей литовских с управляемыми ими русскими землями, вошедшими в состав государства. Придерживаясь идеи мирного вхождения русских территорий в состав Великого княжества Литовского в качестве своеобразных федеративных единиц по договору, М.В.Довнар-Запольский особо подчёркивал, что только Литву в узком смысле они считали своей родовой вотчиной [11].

Позиция М.В.Довнар-Запольского более конкретно изложена в его рукописи «История Беларуси», завершённой к 1925 году, однако впервые увидевшей свет в переводе на белорусский язык в 1994 году и лишь в 2003 году в первоначальном русском варианте.

Под влиянием В.Б.Антоновича М.В.Довнар-Запольский пишет, что вследствие угрозы со стороны Тевтонского и Ливонского орденов, захвативших Пруссию с латышскими землями, Миндовг начал создание государства для борьбы с врагом, и, захватив соседние русские земли, перенёс свою столицу из Керново в Новогрудок, поскольку «стремился подкрепить себя силами русского населения» [12, с. 54]. Однако «Миндовгу было трудно справиться с галицкими князьями, которые даже устроили против Миндовга сильную коалицию, объединив с собой Ливонский орден и возбудив против Миндовга Товтивила. Тогда Миндовг вошел в сношения с ливонском магистром, принял крещение и даже был коронован королем литовским – папским представителем. Галицийская коалиция разбилась» [12, с. 54].

Здесь, в отличие от своих предшественников, М.В.Довнар-Запольский признаёт, что Миндовг вынужден был «в сильной мере» опираться на поддержку Ордена [12, с. 55], но тут же «идёт на попятную», заявляя, что он «колебался в выборе между крестоносцами и католичеством с их западной культурой и между русскими областями с их восточной культурой» [12, с. 55]. В конце концов «Миндовг, не без влияния своего сына Войшелка, на первый план выдвинул связи с белорусскими землями, чем определилась дальнейшая политика последующих князей» [12, с. 55]. Соответственно роль балтского элемента в образовании Великого княжества Литовского сводилась практически к нулю, так как, по мнению М.В.Довнар-Запольского «малочисленное литовское племя, притом малокультурное, в этом выборе значения не имеет» [12, с. 55].

И как результат: «Ольгерд и Гедимин являются настоящими основателями Литовско-Русского государства. Они положили начала той связи, которая начала объединять Литву и белорусские области. ... Русское население охотно подчинялось власти литовских князей, которые приносили свою защиту от сильных соседей и прекращали междоусобную борьбу. К тому же в обеих западнорусских землях русский княжеский род прекратился (Полоцкая земля), другие же (Турово-Пинская область, северские княжества) так раздробились, что владетельные князья превратились в простых вотчинников, помещиков; княжества их утеряли характер государства, превратившись в поместья, иногда очень мелкие. В силу этого литовцы являлись не как завоеватели, но как элемент, вносивший известный прочный правопорядок в народную жизнь. ...Литовские князья не вносили ничего нового в жизнь русских областей. ...Малокультурные литовцы быстро подчинились белорусскому влиянию» [12, с. 56].

Таким образом, М.В.Довнар-Запольский первым из академических историков фактически определил этнический характер Великого княжества, как белорусский.

Во многом взгляды М.В.Довнар-Запольского перекликаются с взглядами представителя украинской (в рамках Российской империи) историографии М.С.Грушевского, хотя в трудах последнего находим весьма существенные отличия от точки зрения своего белорусского коллеги.

С одной стороны, украинский историк соглашается с тезисами о первоначальной отсталости (в сравнении со славянами) литовских племён, немецкой угрозе Литве со стороны Ливонского и Тевтонского «рыцарских братств», а также об опоре Миндовга на Ливонский орден для борьбы с галицко-волынскими князьями. С другой стороны – он одним из первых в исторической науке отмечает, что создание Великого княжества Литовского являлось результатом политического развития балтских племён, чья внутренняя «ферментация» проявилась в «необычном развитии литовских набегов на соседние земли – русские и польские» [8, с. 7]. Впоследствии

данное положение стало одним из исходных в исследовании современного литовского историка Томаса Баранускаса.

Политическая эволюция литовских племён обрела, по мнению М.С.Грушевского, логическое завершение в создании Миндовгом государства. С этого момента соседние русские территории начинают быстро попадать под влияние литовских князей и ко времени вокняжения Гедимина все кривичские и большая часть дреговичских земель оказались захвачены и включены в состав нового государства. Таким образом, ко времени княжения Гедимина «литовская оккупационная политика в русских землях получила большое развитие» и литовское правительство сознательно вступила на путь собирания русских земель [8, с. 19].

При этом М.С.Грушевский особо отметил, что он не ставил целью специально заниматься проблемой образования «Литовского государства», отмечая, что в его формировании украинские земли и украинский народ играли второстепенную роль, в то время как основу в Великом княжестве Литовском составляли литовский и белорусский этнические элементы [8, с. 8]. Правда тут же М.С.Грушевский добавляет, что Великое княжество Литовское можно в определённой мере считать «державой славянской, наследницей Киевской Руси», что фактически указывает на признание им белорусского характера этого государства [8, с. 8].

Наиболее основательно после В.Б.Антоновича в российской историографии времён империи вопрос об образовании Великого княжества Литовского разработал М.К.Любавский [17]. Он пришёл к заключению, что возникновение государственности у балтских племён стало результатом их экономического, социального, а также политического развития. Так, М.К.Любавский, вопреки распространённому в то время в исторической науке мнению, отметил, что балтские племена достигли значительных успехов в развитии сельского хозяйства – в первую очередь в земледелии [17, с. 7, 8 – 9].

В конце XII – начале XIII века, как показывает М.К.Любавский, «территория литовских племён является поделенною на постоянные округа, носящие свои названия», которые, «по-видимому, развились из родственных союзов» [17, с. 9]. Эти литовские «волости» к этому времени были уже объединениями «чисто политическими», в которых наблюдалось возникновение имущественного и социально-политического неравенства» [17, с. 9].

Данные политические объединения управлялись особой категорией людей, известной по источникам, как «рикасы», «кунигасы», «князья», которые возможно были потомками родовых старейшин, но «чаще всего, по всем признакам, это были вожди, избираемые народом, или навязавшиеся ему силою, крупные землевладельцы, имевшие укрепленные усадьбы с множеством челяди, скота, хозяйственных припасов и оружия» [17, с. 10]. Эти вожди выполняли, прежде всего, военные функции по защите подчинённых

областей, но кроме этого часто командовали, по выражению М.К.Любавского «шайками» во время грабительских военных набегов на соседние польские и русские земли. Данное обстоятельство определило вывод историка о том, что у литовских племён накануне объединения их под власть Миндовга уже существовал «класс, соответствующий германской и славянской дружине» [17, с. 10].

Приступая к непосредственному рассмотрению вопроса об образовании Великого княжества Литовского, русский историк, прежде всего, вразрез с мнением В.Б.Антоновича, отвергает версию о том, что до появления великих литовских князей в балтских землях «верховная власть находилась в руках главного жреца – Криве-Кривейте» [17, с. 11 – 12].

Далее М.К.Любавский исходит из предпосылки, что «до Миндовга на Литве не было государственной власти, распространявшейся на всю территорию литовского племени», а была только власть отдельных вождей, распространявшаяся на относительно небольшие районы балтских территорий [17, с. 12].

Походы против балтских племён, предпринимавшиеся русскими князьями в XI и XII в., явились толчком к началу объединения литовских кунигасов в военно-политические союзы, сначала для обороны своих территории, а впоследствии и для совершения набегов в соседние земли – прежде всего – на Русь и Польшу. При этом особо отмечается, что начало литовских набегов «едва ли... можно объяснить только внутренними неустройствами Руси и Польши» [17, с. 12].

Со временем союзы становились всё крупнее и сильнее, причём слабые князья примыкали к наиболее сильным. Уже в первой половине XIII столетия из их среды выделился наиболее сильный, влиятельный и богатый властитель – отец Миндовга, унаследовав владения которого, Миндовг «стал во главе Литовской земли» [17, с. 13].

Однако на первых порах, его верховенство являлось номинальным и сводилось к тому, что Миндовг возглавлял литовских князей во время совместных военных походов, в то время, как другие князья сохраняли политическую независимость. Такое положение сохранялось, по мнению М.К.Любавского до 1248 года [17, с. 13 – 14].

В 1248 году, по словам М.К.Любавского, начинается «новый период» в отношениях Миндовга с другими литовскими князьями: он захватывает их земельные владения и «движимое имущество», присоединяет их к «наследству, полученному от отца» и узурпирует, таким образом, власть во всей Литве. С этого момента «все другие князьки» должны были ему беспрекословно подчиняться. Делая определённый «реверанс» в отношении своих предшественников, М.К.Любавский добавляет, что Миндовг «в переполох и сумятицу, произведённую на Руси татарами,... захватил... Чёрную Русь», в которой черпал «немало сил в борьбе со своими врагами» [17, с. 14].

Политическому сплочению новообразованного государства способствовала постоянная борьба Миндовга против галицко-волинских князей, Польского королевства, Ливонского ордена и внутренней оппозиции. При Миндовге Великое княжество Литовское так укрепилось, что даже после его убийства в результате заговора «не разложилось среди междоусобиц» [17, с. 14 – 15].

Как мы видим, российская историческая наука уже в дореволюционный период проделала значительный путь в постановке и освещении проблемы образования Великого княжества Литовского: от простых упоминаний о появлении нового государства на исторической карте Восточной Европы до серьёзных попыток разобраться в причинах и обстоятельствах его возникновения. Следует оговориться, что в границах Российской империи зародилась также литовская и польская историография, представителей которой мы в данной статье не рассматривали.

Наиболее ранней во временном отношении выступает концепция, рассматривающая образование Великого княжества Литовского как результат завоевания предводителями «диких» литовских племён более развитых славянских земель с последующим заимствованием тех политических и правовых институтов, которые существовали здесь уже несколько столетий. Основателями её можно считать, прежде всего, А.Шлёцера и Н.М.Карамзина. В определённой мере с ней солидаризируются также В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.С.Грушевский и частично М.К.Любавский. Однако последние три автора отмечают, что к моменту появления государственности у литовских племён уже сформировался определённый, достаточно развитый политический строй с выделившимся в особую прослойку нобилитетом. Более того, М.К.Любавский вообще представляет образование Великого княжества Литовского как логическое завершение эволюции литовских политических институтов, в то время как завоевание русских территорий лишь облегчило процесс окончательной консолидации федерации литовских князей в единой державе под властью Миндовга.

Таким образом, в концепции возникновения Великого княжества Литовского в результате завоевания балтами соседних земель можно выделить два основных направления – варварско-адаптивное (А.Шлёцер, Н.М.Карамзин) и дружинно-адаптивное (В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.С.Грушевский). Варварско-адаптивная концепция предполагает, что Великое княжество Литовское образовалось в результате завоевания славянских территорий балтскими племенами, находящимися на первобытно-общинной стадии развития, которые восприняли славянские политические институты и были быстро ассимилированы завоёванным населением. С точки зрения дружинно-адаптивной теории, балты находились уже на довольно высокой стадии общественного развития и у них выделилась военно-служилая прослойка, что сделало возможным осуществить захват славянских

территорий. Однако впоследствии захватчики балты были ассимилированы местной славянской знатью.

Противоположной теории завоевания выступает концепция добровольного подчинения славянских территорий литовским князьям, в которой, в свою очередь, можно выделить также несколько направлений. Наиболее радикальной из них является концепция возникновения Великого княжества Литовского в результате политической и культурной ассимиляции литовских племен славянами (Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев). По сути, в указанном случае Великое княжество Литовское представляется результатом объединительных процессов в русских княжествах. Соответственно и далее новое государство выступает как центр собирания русских земель. Менее радикальной является теория, согласно которой славянские земли добровольно подчинялись Литовским князьям, спасаясь от монголо-татарского завоевания (К.Н.Бестужев-Рюмин). В этом варианте ослабленные междоусобицами русские княжества оказавшись между «Сциллой и Харибдой» и, выбирая из двух зол меньшее, позволили литовским князьям объединить под своей властью славянские земли.

Наконец, позицию М.О.Кояловича в отношении образования Великого княжества Литовского можно назвать «гибридной», поскольку она содержит черты как теории завоевания, так и добровольного подчинения: с одной стороны литовские князья захватили Полоцк и Новогрудок, с другой – эти земли «были расположены признать их власть», а в результате государство создали вообще жемайтские князья.

Сходную двойственную позицию занял также Н.П.Дашкевич, утверждая, что славянский этнический элемент использовал литовское завоевание для собирания русских земель в едином государстве.

Тем не менее, решить поставленную проблему российским историкам окончательно не удалось. Кроме концептуальных расхождений по поводу процесса генезиса Великого княжества Литовского, среди исследователей отсутствует единство в определении времени возникновения указанного государственного образования. Так, одни историки относят его появление к XIII веку и связывают его создание с личностью Миндовга (П.Н.Батюшков, В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.С.Грушевский, М.К.Любавский), другие считают, что оно было создано в XIV столетии усилиями Витеня и Гедимина (Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев, Ф.М.Леонтович, М.Ф.Владимирский-Буданов, М.В.Довнар-Запольский). Нет единства и в определении национального характера Великого княжества Литовского. Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев, М.О.Коялович, Ф.М.Леонтович, М.Ф.Владимирский-Буданов считали, что это было славянское государство, при этом подразумевали под славянским русское. Исключением является М.В.Довнар-Запольский, который впервые определил характер как белорусский (с ним в какой-то мере солидаризировался Н.С.Грушевский). Н.М.Карамзин, А.Шлёцер, П.Н.Батюшков,

В.Б.Антонович, Н.П.Дашкевич, М.К.Любавский считали Великое княжество Литовское бизэтническим государством, однако по-разному определяли роль балтского и славянского этносов в государственном строительстве и функционировании.

Наконец, разными исследователями в качестве основных причин образования Великого княжества Литовского выдвигаются различные факторы.

На наш взгляд, основными недостатками, присущими всей российской дореволюционной историографии в разработке проблемы генезиса государственности у древних литовцев являются: во-первых, её «изолированность» – российские историки не использовали достижения в данном вопросе зарубежных исследователей и, во-вторых, неполнота источникового корпуса – большая часть источников не восточнославянского происхождения ими не была проанализирована. Кроме того, ряд исследователей, прежде всего Н.Г.Устрялов, И.Д.Беляев, П.Н.Батюшков, М.О.Коялович и др. в своих работах были далеки от объективности, довольно волюно интерпретируя свидетельства исторических источников и игнорируя те из них, которые шли вразрез с занимаемой авторами позицией.

Список литературы

1. Антонович, В.Б. Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго до смерти В.К. Ольгерда: в 2 томах / В.Б. Антонович // Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи. – Киев: Типографія Е.Я. Федорова Крещатицкая площ. собствен. домъ, 1885. – Т. 1. – 133 с.
2. Антонович, В.Б. Очеркъ исторіи Великаго княжества Литовскаго до половины XV столетія / В.Б. Антонович. – Киев: Въ университетской типографіи, 1878. – В. 1. – 158 с.
3. Батюшковъ, П.Н. Белоруссія и Литва, Историческія судьбы С веро-Западнаго края / П.Н. Батюшков. – СПб.: Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъячская, 1890. – 560 с.
4. Беляев, И.Д. Исторія Полотска, или Северо-Западной Руси отъ древнейшихъ временъ до Люблинской уніи / И.Д. Беляев // Разказы изъ Русской исторіи. – Кн. 4. – М.: Въ Синодальной Типографіи, 1872. – 462 с.
5. Бестужевъ-Рюминъ, К.Н. Русская исторія / К.Н. Бестужевъ-Рюминъ. – СПб.: Типографія А. Траншеля, 1872. – 483 с.
6. Брянцевъ, П.Д. Очеркъ Древней Литвы и Западной Россіи / П.Д. Брянцевъ. – Вильна: Типографія А.Г. Сыркина, 1891. – 157 с.
7. Владимирскій-Буданов, М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве / М.Ф. Владимирскій-Буданов. – СПб.: [б. и.], 1868. – 304 с.
8. Грушевські, М. історія України – Руси / М. Грушевські. – Т. IV. – Київ – Львів: Друкарня П.Барського, 1907. – 630 с.
9. Дашкевич, Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства / Н.П.Дашкевич. – Киев, 1885. – 192 с.

10. Дворниченко, А.Ю. Историография Великого княжества Литовского и «Очерк истории Литовско-Русского государства» М.К. Любавского / А.Ю. Дворниченко // Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К.Любавский. – СПб.: Наука, 2004. – С. 14 – 30.
11. Довнар-Запольский, М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: Типография Императорского Ун-та св. Владимира Акцион. о-ва печатн. и издат. дела Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – Т. I. – 807 с.
12. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: Выдавецтва «Беларуская энцыклапедыя» імя Пётруса Броўкі, 1994. – 506 с.
13. Карамзин, Н.М. История государства Российского: в 4 т. / Н.М. Карамзин. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Кн. 1. – Т. III. – 512 с.
14. Костомаров, Н.И. Русские инородцы. Литовское племя и его отношение к русской истории / Н.И. Костомаров // Русское слово, литературно-ученый журнал, издаваемый графом гр. Кушелевым-Безбородко. – СПб.: Типография Рюмина и комп., 1860. – № 5. – С. 1 – 100.
15. Кояловичъ, М.О. Чтенія по исторіи Западной Россіи / М.О. Кояловичъ. – СПб., 1884. – Изд. 4. – 454 с.
16. Леонтовичъ, О.И. Очерки исторіи литовско-русскаго права / О.И. Леонтовичъ // Журналь министерства народнаго просвещенія. – Ч. 286 (март). – СПб., 1893. – С. 69 – 136.
17. Любавскій, М.К. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавскій. – М.: Московская художественная печатня, 1915. – 407 с.
18. Макарий. Православная и русская народность в Литве / Макарий // Христианское чтение. – Спб., 1851. – Ч. 1. – С. 430 – 497.
19. Михальченко, С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права) / С.И. Михальченко. – М., Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1996. – 186 с.
20. Михальченко, С.И. Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики) / С.И. Михальченко. – М., Брянск: Изд-во Брян. гос. ун-та, 1997. – 228 с.
21. Пашуто, В.Т. Образование Литовского государства / В.Т. Пашуто. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 536 с.
22. Пичета, В.И. Разработка истории белорусско-литовского права XV – XVI вв. в историографии / В.И. Пичета // Белоруссия и Литва XV – XVI вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.413 – 455.
23. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории. Западная Русь и Литовско-Русское государство / А.Е. Пресняков. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – Т. II. – Вып.1. – 246 с.
24. Погодин, М.П. Начертаніе русской исторіи. Для гимназій, сочиненіе / М.П.Погодин. – М.: Въ Университетской Типографіи, 1837. – Изд. второе, исправленное и умноженное. – 410 с.
25. Полевой, Н.А. Исторія русскаго народа / Н.А. Полевой. – М.: Въ типографіи Августа Семена, при імператорской Мед.-хірург. академіи, 1833. – Т. 5. – 693 с.
26. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времён: Соч. в 18 кн. / С.М.Соловьёв. – М.: Голос, 1988. – Кн. 2. – Т. 3 – 4. – 768 с.

27. Столяров, А.М. История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX и начала XX века: автореф. диссертации ... канд. истор. наук / А.М.Столяров. – Казань, 2008. – 24 с.

28. Устряловъ, Н.Г. Изследование вопроса, какое место въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское / Н.Г. Устряловъ // Русская исторія. – СПб.: Тип. Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, 1839. – Ч. 1. – 444 с.

29. Schlözer, A.L. Geschichte von Litauen als einem eigenen Groß für Stenthume bis zum J. 1569 / A. L. Schlözer // Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland. – Halle: ben Johan Jacob Gebauer, 1785. – S. 1 – 300.

Гагуа Руслан Борисович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, философии и права Полесского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мартен М.В.</i> Постигание истории через теоретическое осмысление (к 60-летию профессора А.Н.Нечухрина)	5
<i>Габрусевич С.А.</i> Профессор Александр Николаевич Нечухрин (штрихи к портрету)	14
<i>Бадюкова Т.А.</i> Александр Николаевич Нечухрин	18
<i>Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П.</i> Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский	21
<i>Релина Л.П.</i> История историографии в пространстве современного гуманитарного знания	45
<i>Синяков С.В.</i> Идеальная компонента в структуре экономической деятельности	53
<i>Лелешко Б.М.</i> О возможности этического смысла истории	65
<i>Сидорцов В.Н.</i> Научный язык историка как проблема	75
<i>Чикалова И.Р.</i> Реальное и воображаемое сообщество англоведов из Беларуси в императорской России	84
<i>Карев Д.В.</i> Белорусская историография и историческое сознание белорусского общества в 1930 – 1941 гг. (основные тенденции развития)	100
<i>Черепица В.Н.</i> Из рода Грибоедовых	106
<i>Пивоварчик С.А.</i> «Инструкция по рекогносцировкам» – важный источник по истории фортификационного строительства в СССР	112
<i>Ярмусик Э.С.</i> Католическое духовенство Беларуси в годы Великой Отечественной войны: к вопросу об оценке политической позиции и деятельности	123
<i>Рамазанов С.П., Михайловский И.Ю.</i> Новгородская республика: начало отечественной демократии? (к историографии вопроса)	129
<i>Бельнская Л., Зингер Б.</i> Основные тенденции развития методологии изучения миграционных процессов в эпоху глобализации	135
<i>Васюк Г.В.</i> Византия и Запад в X веке	147
<i>Устюгова А.Г.</i> Восточная Азия: тенденции и перспективы развития в эпоху глобализации	155
<i>Кручковский Т.Т.</i> Отношения Польши и Великого княжества Литовского в период от Кревской до Люблинской уний в оценке русской историографии второй половины XIX – начала XX века	175

<i>Заневский С.В.</i> Мемуарные источники и их анализ (по данным мемуаров высшего сословия конца XVIII – XIX вв.)	189
<i>Гагау Р.Б.</i> Образование Великого княжества Литовского в российской дореволюционной историографии	201
<i>Тохиан Т.М.</i> Проблема построения белорусской государственности (1917 – 1922 гг.) в отечественной историографии 30-х – первой половины 50-х гг. XX в.	216
<i>Минич А.П.</i> Основные направления и ведущие центры исследований истории древнего мира в белорусской историографии (вторая половина 80-х – середина 90-х гг. XX в.)	225
<i>Кручковский Т.Т., Хилюта В.А.</i> Отношения Польша – Русь в контексте докатолической истории Великого княжества Литовского в интерпретации русской историографии XIX – начала XX века	237
<i>Литвинский А.В.</i> Этногенез славян: проблема соотношения информации источников различных видов	250
<i>Мелешко Е.И.</i> Концепции национального развития Беларуси в белорусской исторической мысли 30-х – 80-х гг. XX века	260
<i>Бутько В.Н.</i> Columbia Center for Oral History: первые проекты по устной истории	270
<i>Козловская Н.В.</i> Учебники по всемирной истории новейшего времени в контексте школьного исторического образования Республики Беларусь	277
Библиографический указатель научных трудов профессора Александра Николаевича Нечухрина, опубликованных в 1973 – 2011 гг.	292
Докторские, кандидатские и магистерские диссертации, защищённые под руководством профессора А.Н. Нечухрина в 2001 – 2012 гг.	307